

Цзянь Мо забился под пушистое брюхо Крылатого зверя, и вскоре тепло окутало его с ног до головы, словно он погрузился в чистые воды горячего источника. Когда тело согрелось, а во рту окончательно разошелся сладкий медовый вкус, лекаря накрыло волной безмятежного счастья. Это было почти первобытное, неодолимое чувство физического комфорта, от которого он невольно зажмурился.

Сидевший рядом У Цзюн внимательно посмотрел на него:

— В сон клонит?

— Есть немного, — признался Цзянь Мо. — Здесь так уютно, что я бы прямо тут и уснул.

— Спи, — негромко отозвался вождь. — Я присмотрю за тобой.

Цзюцзю над их головами согласно курлыкнул, словно тоже обещая охранять покой лекаря.

Цзянь Мо прикрыл глаза и сонным голосом пробормотал:

— И ты туда же, Цзюцзю... Ладно, я немного передохну, а ты разбуди меня позже.

— Отдыхай, — повторил У Цзюн.

Сон на открытом воздухе был чутким, и вскоре юноша проснулся. Тело казалось ватным и тяжелым, двигаться совсем не хотелось. У Цзюн сидел вплотную к нему, и его жар, казалось, превосходил даже тепло Крылатого зверя. Если питомец был подобен огромной грелке, то вождь — жарко натопленному очагу. Разморенный этим теплом, Цзянь Мо почувствовал, как к его щекам прилил легкий румянец.

Судя по небу, время еще позволяло поработать. Усилием воли отогнав остатки дремоты, лекарь обратился к спутнику:

— Давай соберем еще немного гнезд?

— Сиди здесь, — ответил У Цзюн. — Я сам всё сделаю.

Цзянь Мо решительно выбрался из-под теплого прибежища:

— Ну уж нет, мы вместе сюда прилетели, негоже мне прохладиться, пока ты трудишься. Идем, соберем еще немного и двинемся в обратный путь.

Они вернулись к скалам. Потревоженные ранее медовые пчуги уже успокоились и заняли свои места. Издалека Цзянь Мо видел, как в некоторых гнездах копошатся птенцы, широко разевая клювы, а взрослые птицы деловито кормят их кусочками меда.

«Счастливые малютки»

Цзянь Мо невольно позавидовал им. В это суровое время раздобыть хоть крупицу сахара было невероятно трудно. Перед глазами на миг всплыл образ из прошлой жизни: он сам, заказывающий чай с молоком и просящий положить лишь половину порции сахара. Юноша тихо вздохнул.

Старых заброшенных домиков на скалах было в избытке, поэтому они не стали беспокоить жильцов, сосредоточившись на пустых постройках. Медовые блоки, из которых те состояли, были чуть темнее свежих, но по качеству ничуть им не уступали.

Когда тени начали удлиняться, а запасы в корзинах стали внушительными, У Цзюнь мягко взял Цзянь Мо за руку:

— Пора возвращаться. Прилетим сюда в другой раз.

Цзянь Мо шмыгнул носом и согласно кивнул:

— Хорошо. Как только вернемся, я обязательно приготовлю хуншаожоу. И заварю побольше воды с цзяожуй — сегодня мы изрядно промерзли.

— Напиток из цзяожуй слишком резкий, — заметил вождь.

— Вовсе нет, если добавить туда сахара, вкус станет отменным. Вот увидишь. Эх, только переводить на это медовые блоки — расточительство... Давай на обратном пути снова заглянем в ущелье Шаннань и наберем еще порошковых трубочкоцветок.

Помимо корзин, у них с собой были пустые сумки, а цветы — груз легкий.

Вернувшись к Цзюцзю, они застали зверя на том же месте: он всё так же мирно сидел на плато, не пытаясь улететь. Ветер забавно ерошил его пух, оставляя на шкуре причудливые отметины. Цзянь Мо, растроганный верностью питомца, не удержался и угостил его еще одним кусочком меда:

— Умница, Цзюцзю.

Крылатый зверь довольно пригнул голову:

— Цзю!

Они тщательно закрепили крышки корзин и надежно привязали их к седлу. Устроившись на спине зверя, У Цзюн распахнул тяжелую меховую накидку, укрывая их обоих, и направил Цзюцзю к ущелью Шаннань.

В горах всё еще свирепствовал холод, но в самом ущелье воздух был заметно теплее.

«Неудивительно, что зимой все стараются сидеть по домам, — думал Цзянь Мо. — Снаружи так холодно, что простудиться можно в любой момент»

Они быстро наполнили три сумки цветами, и к тому моменту сумерки начали сгущаться.

— Хватит, — распорядился Цзянь Мо. — Срежем остальное прямо с плетями и заберем в племя, там не спеша разберем. Иначе в темноте совсем дороги не увидим.

У Цзюн не возражал. Достав нож из ракушки, он быстро наполнил мешки лозами трубкоцветок. Чтобы не погубить заросли, они срезали лишь половину плетей с каждого куста, давая растениям шанс восстановиться к весне. К следующей зиме ущелье снова будет утопать в цветах.

Закончив сборы, они поднялись в небо. Горизонт уже пылал яркими красками заката. Сверху открывался невероятный вид: белоснежные равнины и ледяные пики внизу казались зеркальным отражением небесного великолепия.

Благодаря высоте Цзянь Мо заметил вдали несколько озер. К его удивлению, несмотря на лютый мороз, водная гладь в некоторых из них не подернулась льдом, поблескивая под лучами заходящего солнца, словно в заснеженную землю уронили осколки неба.

Закат угас быстро. Когда они подлетели к племени, небо уже окрасилось в глубокий серо-синий цвет. Однако их возвращение не осталось незамеченным.

Весть о том, что вождь и лекарь привезли две полные корзины медовых блоков и медовых гнезд, мгновенно облетела племя. Люди высыпали из домов, и вскоре вокруг них собралась толпа, какой не бывало даже на праздничных гуляниях.

— Настоящие медовые блоки! Боги, сколько же его здесь!

— Целую вечность не видела столько сладостей... Помню, когда мы только сошлись с моим избранником, он подарил мне мешочек таких блоков. Какое было время!

— Кажется, пару лет назад племя Мэншуй обещало нам медовые блоки в награду за охоту на

длинношерстных мамонтов?

— Именно! Я только ради этих медовых блоков и вызвался тогда идти в поход!

— Братец Цзянь Мо, а вы будете его менять? Мы отдадим что угодно!

Глаза у всех загорелись предвкушением, взгляды скрестились на лекаре. Зимой, когда общих работ не было, каждый был волен распоряжаться своей добычей сам. Если Цзянь Мо хотел обмена, он мог сделать это немедленно.

Юноша, опешив от такого напора, замахал руками:

— Пока мы не планируем ничего менять. Медовые блоки хранятся долго, так что я хочу оставить его в запас.

Люди разочарованно, но с пониманием закивали. Цзянь Мо отметил про себя, что спрашивали только его — У Цзюна, сидевшего рядом, никто беспокоить не решался. Видимо, суровый нрав вождя внушал им слишком большой трепет.

Один молодой зверолод всё же не удержался:

— Братец Цзянь Мо, а где же вы нашли такую благодать?

Не успел лекарь открыть рот, как окружающие соплеменники зашикали на смельчака:

— Это их находка! С чего бы им выдавать такие секреты?

— Не спрашивай! В племени есть правило: нашел доброе место — оно твое, и делиться им ты не обязан.

— Ха-ха, пусть это останется их маленькой тайной!

Цзянь Мо только улыбнулся, не став притворяться излишне щедрым. Удовлетворив любопытство, соплеменники разошлись по своим делам.

Дома Цзянь Мо первым делом принялся за дело. Он достал цзяожуй, заварил на них крепкий настой и, добавив туда густого сиропа, разлил по кружкам. Одну себе, другую У Цзюну, а остатки решил позже отдать Цзюцзю. Сейчас им обоим нужно было согреться изнутри, чтобы прогнать подступающую простуду.

Сдув пар, лекарь сделал осторожный глоток. Вкус был сладким и острым одновременно, чем-то

напоминая имбирный чай, но с характерной резкой ноткой. Цзянь Мо это сочетание понравилось. В этом мире не было изысканных напитков, и такая пряная сладость казалась ему верхом блаженства.

У Цзюнь долго вертел кружку в руках, не притрагиваясь к питью. Юноша сначала подумал, что тот боится обжечься, но вскоре понял — вождю просто не нравился аромат. Это заставило лекаря невольно рассмеяться: редко когда можно было увидеть У Цзюнь в таком замешательстве из-за еды.

— Тебе не по вкусу?

— Терпимо, — сдержанно ответил вождь.

Цзянь Мо шутливо приподнял свою кружку:

— Если не совсем противно — выпей хоть немного. Остальное отдадим Цзюцзю.

У Цзюнь коротко кивнул и, собравшись с духом, медленно осушил чашу до дна.

Затем Цзянь Мо поднялся на второй этаж, нашел несколько чистых глиняных кувшинов и бережно сложил туда медовые блоки. Перед тем как закрыть сосуды, он выбрал несколько крепких угольков из очага и положил их внутрь.

У Цзюнь с недоумением наблюдал за его действиями:

— Зачем там уголь? Тоже какая-то кулинарная хитрость?

— Нет, — улыбнулся лекарь. — Древесный уголь отлично впитывает влагу и лишние запахи.

Вождь едва ли что-то понял из этого объяснения, но спорить не стал. Глядя на его озадаченное лицо, Цзянь Мо добавил:

— Сходи-ка принеси кусок мяса с кожей. Сегодня на ужин у нас будет хуншаожоу.

У Цзюнь послушно отправился к хранилищу за домом. Их запасы были внушительны: тут и вяленое мясо, и соленья, и лежкие коренья, и замороженные туши в огромных чанах. Вождь выбрал кусок посвежее, с тонкими прослойками жира, и под руководством Цзянь Мо нарезал его на бруски толщиной в три пальца.

Лекарь дважды ошпарил мясо в кипятке с травами, чтобы убрать лишние запахи, а затем принялся за главное — приготовление карамели в каменном котле. Когда сахар в котелке

приобрел глубокий янтарный оттенок, Цзянь Мо добавил туда специи и мясо. Как только кухня наполнилась ароматом поджаренного мяса, он влил немного фруктового вина.

Тщательно перемешав содержимое, юноша переложил всё в глубокий глиняный горшок, залил водой и поставил томиться на медленный огонь. Вскоре по дому поплыл умопомрачительный аромат, выбравшийся далеко за пределы стен.

У Цзюнь не торопился с ужином, но начал беспокойно мерить комнату шагами. Животы у обоих требовали еды. Цзянь Мо предложил вождю перекусить вареными кореньями, но тот решительно отказался.

— Приберегу место для настоящего ужина, — заявил У Цзюнь.

— Что ж, надеюсь, ты не разочаруешься, — улыбнулся лекарь.

После долгого ожидания хуншаожоу было наконец готово. Даже в слабом свете огня было видно, как аппетитно поблескивает румяная кожа. Аромат, густой и насыщенный, окутывал всё вокруг. Это был сложный букет: сладость меда, крепость вина и пряность специй сплетались в нечто совершенно новое для зверолода с его острым чутьем.

У Цзюнь замер, вдыхая этот запах. Он никогда не подозревал, что привычное мясо может пахнуть столь божественно.

Отложив порцию для Цзюцзю, Цзянь Мо протянул палочки вождю:

— Давай же, попробуй. Мы сегодня заслужили этот пир.

— Оно того стоило, — отозвался У Цзюнь, принимая приборы.

Цзянь Мо первым отправил кусочек в рот. Нежная кожа, тающее мясо и густой соус слились в единый фейерверк вкуса. Стоило проглотить первый кусок, как по телу разлилось блаженство. Лекарь даже не мог сразу подобрать слов, чтобы описать это — настолько насыщенным и глубоким был вкус. Он потянулся за вторым кусочком, желая еще раз прочувствовать это мгновение.

За стенами дома лежал снег, в комнате было полутемно. Лишь мерцающие угли в очаге освещали их лица. Цзянь Мо, покрасневший от горячей еды и удовольствия, выглядел необычайно оживленным. Крошечные капельки пота выступили на его переносице, а глаза сияли радостью.

Глядя на него, У Цзюнь вдруг вспомнил тот момент, когда они разгребли снег в ущелье и увидели яркие бутоны трубкоцветок. На миг ему показалось, что он снова пьян, но на этот раз не от вина.

Еды было много, но Цзянь Мо, хоть и был голоден, едва одолел треть своей порции. У Цзюн же с видимым удовольствием доел всё до последней крошки. Лекарь с легкой тревогой наблюдал за ним.

— Ты как, не слишком налег? — спросил он.

У Цзюн поднял голову:

— Всё в порядке. Сегодня мы потратили много сил.

— И всё же, вместимость желудка не безгранична.

— Не беспокойся, зверюды могут съесть много. Если станет совсем тяжело — обернусь волком.

— Если почувствуешь тяжесть, скажи мне. Я заварю тебе чай из сушеных плодов, он помогает пищеварению.

Обычно вождь никогда ни о чем не просил, но сегодня вдруг произнес:

— Я бы выпил такого чая.

Цзянь Мо улыбнулся и отправился за ингредиентами.

После всех вечерних дел У Цзюн, как и обещал, принял звериное обличие. Они устроились на втором этаже. Обычно каждый спал в своем углу, но сегодня огромный волк придвинулся ближе, буквально свернувшись кольцом вокруг Цзянь Мо.

В холодную зимнюю ночь такое соседство было настоящим спасением. Хоть юноша и не привык к подобному, он быстро оценил все преимущества. Зверь так и пылал жаром, и спать, прижавшись к его мягкому пушистому брюху, было куда приятнее, чем дрожать под ворохом шкур. Шерсть волка была густой, а брюхо — мягким, словно водяная кровать. Это было несравненно лучше жесткого пола.

Найдя удобное положение, Цзянь Мо мгновенно провалился в глубокий сон.

Удивительно, но наутро лекарь чувствовал себя превосходно. Несмотря на все опасения, простуда обошла его стороной. Он поднялся с постели бодрым и полным сил.

У Цзюн встал еще раньше. Вождь уже успел накормить Тото-зверей и Крылатого зверя, сменить угли в их жаровнях и даже надоить молока. Цзянь Мо обошел дом, не найдя для себя

дел, и, поставив коренья вариться на огонь, отправился на задний двор. У него еще оставались саженцы порошковых трубкоцветок, которые он решил попробовать прижить на склоне за домом.

Лозы этого растения обычно легко пускали корни, а нынешний холод мог даже поспособствовать их укоренению. Лекарь аккуратно обрывал лишние листья, чтобы растение не теряло влагу, и вдруг замер.

Мысли о влаге и вчерашнем полете выстроили в его голове четкую логическую цепочку.

Озера... Те озера, что они видели с высоты. Реки вокруг племени давно сковал лед, но те водоемы оставались открытыми. Почему?

«Постой... не замерзли?!»

В мозгу лекаря вспыхнула догадка. Озера не замерзли, потому что они соленые! Температура замерзания соленой воды гораздо ниже, чем у пресной.

«Соленое озеро! — пронеслась в голове мысль. — Летом там можно добывать соль, а зимой — щелочь. Это же химия за среднюю школу. Такое точно было в экзаменах!»

Цзянь Мо резко бросил лозу, подхватил меховую накидку и со всех ног бросился вниз по склону:

— У Цзюн! Мне нужно тебе кое-что сказать!

<http://bllate.org/book/15825/1436233>